

Интересы индивидуумов и общества: от экономической социодинамики до релятивистской методологии

А.Я. Рубинштейн

Институт экономики РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье представлен критический анализ развития концепции экономической социодинамики (КЭС) за последние 25 лет, выполненный с позиций современного междисциплинарного знания. Автор показывает, что в основе КЭС и ее последующих разработок находится общая логика, базирующаяся на фундаментальном положении о несводимости общественного интереса к простой сумме индивидуальных предпочтений. Этот подход позволяет рассматривать наследие КЭС как комплекс идей, существенно расширяющих традиционные границы экономического анализа и предлагающих альтернативу доминирующим моделям. Теоретические результаты, полученные с 2000 по 2025 год, находят более глубокое научное обоснование при обращении к достижениям современной философии и теоретической социологии. Этот синтез предоставил автору возможность преодолеть историческое противостояние методологического индивидуализма и холизма, ввести в научный оборот такой новый принцип, как методологический релятивизм. На основе анализа ключевых философских доктрин релятивизма (культурного, концептуального, социального конструктивизма и постмодернизма) в статье формулируются особенности релятивистской методологии. Ее суть состоит в «уравнивании в правах» интересов индивидов и автономных интересов государства, что исключает априорное доминирование одного над другим и требует контекстуального подхода к анализу. Применение релятивистской методологии и признание наличия у государства собственного, автономного интереса открыли путь к переосмыслению самой категории «государство». Ключевым результатом исследований стало введение новой парадигмы государства, определяемого как сложная социальная целостность, функционирующая в форме метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество». В статье сделан

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

вывод о том, что противоречие между интересами индивида и общества следует рассматривать не как дихотомию, а как задачу поиска сбалансированной структуры, в рамках которой эти разнородные интересы выступают взаимосвязанными и неотъемлемыми элементами единой социальной целостности.

Ключевые слова: индивидуализм, холизм, социальная философия, теоретическая социология, методологический релятивизм, государство, власть, экономика, гражданское общество.

Рубинштейн Александр Яковлевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного направления «Теоретическая экономика» Института экономики РАН.
arubin@aha.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0455-3879>

Для цитирования: *Рубинштейн А.Я.* Интересы индивидуумов и общества: от экономической социодинамики до релятивистской методологии // *Философские науки.* 2025. Т. 68. № 3. С. 10–37.
DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-10-37

Individual and Societal Interests: From Economic Sociodynamics to Relativist Methodology

A. Ya. Rubinstein

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article presents a critical analysis of the evolution of the theory of Economic Sociodynamics over the last quarter-century, framed within contemporary interdisciplinary scholarship. The author argues that Economic Sociodynamics and its subsequent developments are underpinned by a foundational premise: the public interest is irreducible to the mere aggregation of individual preferences. This perspective allows the legacy of Economic Sociodynamics to be understood as a body of thought that substantially broadens the traditional boundaries of economic analysis and provides a compelling alternative to prevailing models. The theoretical findings from the period 2000–2025 are further substantiated by insights from contemporary philosophy and theoretical sociology. This synthesis has enabled the author to transcend the long-standing dichotomy between methodological individualism and holism, introducing the principle of methodological rela-

tivism into scholarly debate. Drawing upon an analysis of key relativist doctrines – including cultural and conceptual relativism, social constructivism, and postmodernism – the article articulates the core tenets of this methodology. At its core, this methodology treats individual interests and the state's autonomous interests as coequal, rejecting the *a priori* primacy of either and requiring context-dependent analysis. The application of this relativist methodology, combined with the recognition of the state's autonomous interest, has opened new avenues for reconceptualizing the state itself. The study advances a new paradigm in which the state is defined as a complex social entity functioning as a meta-system comprising “political authority – economy – civil society.” The article concludes that the tension between individual and societal interests should be understood not as a dichotomy but as a design problem: constructing a balanced structure wherein these diverse interests operate as interconnected and integral components of a unified social whole.

Keywords: individualism, holism, social philosophy, theoretical sociology, methodological relativism, state, power, economy, civil society.

Alexander Ya. Rubinstein – D.Sc. in Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department “Theoretical Economics” at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

arubin@aha.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0455-3879>

For citation: Rubinstein A.Ya. (2025) Individual and Societal Interests: From Economic Sociodynamics to Relativist Methodology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 10–37. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-10-37

Введение

Настоящая статья посвящена вопросам разработки общей экономической теории государства. Среди предпосылок этого проекта – понимание необходимости создания новой теоретической модели смешанной экономики без доминирования государства или рынка. Кроме того, изначально на интуитивном уровне, было ощущение того, что при сопоставлении государства и рынка пропущен один из важных элементов – институты гражданского общества. Реализация данного проекта потребовала разработки особого теоретического подхода и

экономической методологии. Их ядром стала концепция экономической социодинамики (КЭС), созданная в конце прошлого столетия в соавторстве с Р.С. Гринбергом. КЭС, в свою очередь, послужила отправной точкой в развитии нового направления исследований, обусловившего разработку ряда теоретических конструкций, ставших продолжением КЭС. Это и побудило нас взглянуть на ее эволюцию на протяжении четверти века сквозь призму современного знания.

Однако целью настоящей работы являются не воспоминания о прошлых достижениях, даже не о встречах с выдающимися российскими и зарубежными учеными, с которыми мы обсуждали нашу теоретическую концепцию. Это попытка посмотреть на пройденный путь с позиций сегодняшнего восприятия базовых положений КЭС. В ее основе находится желание понять, характерна ли для этих исследований общая логика, позволяющая говорить о формировании особого научного направления.

Первая публикация «Экономической социодинамики», в которой сформулированы ее предварительные положения, состоялась на страницах издания «Российский экономический журнал» в феврале 1997 года [Гринберг, Рубинштейн 1997]. Летом этого же года была проведена презентация КЭС в Москве, на семинаре с участием специалистов Венского института высших исследований, экономического факультета Марбургского университета и ученых экономических институтов РАН. Многочисленные рекомендации участников состоявшегося обсуждения подтолкнули авторов концепции к дальнейшей работе, результаты которой нашли отражение в российских и зарубежных публикациях [Гринберг, Рубинштейн 1998; Grinberg, Rubinstein 1999]. Датой же рождения КЭС принято считать первое издание монографии «Экономическая социодинамика» в 2000 году.

Презентация обновленной версии «Экономической социодинамики» состоялась в январе 2001 года в Калифорнийском университете, в котором по приглашению М. Интриллигейтера был представлен соответствующий доклад, на знаменитом Маршак-коллоквиуме. Последующие встречи и несколько по-

истине мировоззренческих обсуждений с выдающимися американскими учеными, Р. Масгрейвом и К. Эрроу, показали перспективы дальнейшего развития КЭС. Интерес к ней со стороны зарубежных коллег побудил издательство Springer предложить авторам издание «Экономической социодинамики», которое в исправленной и дополненной англоязычной версии увидело свет в Германии и США в 2005 году [Grinberg, Rubinstein 2005].

Анализируя годы исследований и траекторию развития КЭС с ее немалым книжным наследием, можно прийти к разным выводам, но главное – к пониманию того, что многое изменилось и теперь видится иначе. Это имеет и свои преимущества, ибо позволяет сформулировать то, что не было обнаружено в прежних работах. С учетом этого доминантой настоящей статьи являются исключительно новые результаты.

Два канона интерпретации общественного интереса

Экономическая теория неодинаково трактовала активность государства. К концу XIX столетия обозначились два канона в интерпретации ее первопричины – общественного интереса. Германская традиция, постулируя интерес общества как такового (*холизм*), признала категорию «коллективные потребности» в качестве фундаментальной основы знаменитой «немецкой финансовой науки». Английская традиция, наоборот, в основном отрицала возможность существования общественных интересов, отличных от агрегата предпочтений индивидуумов (*индивидуализм*). Став в XX столетии антитезой холизму, методологический индивидуализм занял прочное место в основном русле экономической теории.

Ее основу, как известно, составляет классическая политическая экономия А. Смита, с присущей ей индивидуализмом и внутренним экономическим механизмом «невидимой руки». Завершающий этап эволюции классической политической экономии представлен в работах Дж.Ст. Милля, который, отстаивая концепцию индивидуальной свободы в противоположность неограниченному государственному контролю, внес значительный вклад в философию либерализма.

В рамках данной традиции, после и в результате маржиналистской революции, было успешно решено много непростых вопросов, включая проблемы общественных благ, которые, несмотря на их особые свойства производятся для обеспечения индивидуального спроса [Samuelson 1954]. Это обусловило разработку известной модели равновесия Векселя – Линдаля для общественных товаров, особенностью которой является процедура «вертикального суммирования» [Wicksell 1896; Lindahl 1919].

Сегодня становится очевидным, что в рамках позитивистского подхода нерешенным остался один из главных вопросов, связанный с существованием функции общественной полезности, обеспечивающей эффективное по Парето равновесие. В попытках его решения, например при разработке функции общественного благосостояния А. Бергсона, сформулирован вывод о том, что общественная полезность определяется комбинацией индивидуальных предпочтений, в которой в качестве весов выступают ценностные установки [Bergson 1938].

Иными словами, исследования показали, что внутренний механизм «невидимой руки» сам по себе, без каких-то экзогенных условий, не обеспечит оптимального равновесия, превращая функцию социальной (общественной) полезности де-факто в *нормативный* критерий, генерирующий существование множества возможных оптимумов. В сложившейся ситуации вопрос о функции социальной полезности трансформировался в проблему общественного выбора. Но в данном случае исследователей ожидала определенная неудача.

После публикации известной работы К. Эрроу с доказательством невозможности согласования индивидуальных предпочтений, в которой он обобщил «парадокс Кондорсе» [Arrow 1951], выяснилось, что проблема цикличности не исчезла. Многочисленные попытки обойти «условие диктатора» и преодолеть феномен цикличности в процессе рационального общественного выбора, основанные на использовании различных процедур голосования, т.е. вариантов его организации, существенного результата не принесли. Общественному выбору, как было показано позднее, должен предшествовать

общественный выбор о том, каким образом этот выбор совершать [Некипелов 2023]. В результате отношение экономистов к функции социальной полезности вынужденно изменилось. Стало ясно, что рассуждать о ней имеет смысл лишь с позиций ее нормативного содержания, и это уже не слишком отличается от холистических представлений, характерных для немецкой альтернативы.

В этом направлении экономической мысли главный акцент был сделан на потребностях общества как такового. Среди представителей можно выделить ряд экономистов конца XIX – начала XX века: Ф. Хермана [Herman 1870], А. Шеффле [Schäffle 1873] и К. Менгера [Menger 1923]. Несмотря на известные различия в их взглядах, главная общая черта их подходов связана с выделением интереса, присущего совокупности людей в целом. Представители германской традиции, такие как А. Шеффле, писали о потребностях, «которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества» [Schäffle 1873, 113]. К. Менгер прямо указывал на то, что у объединений есть «общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов и даже с потребностями всех членов, вместе взятых» [Menger 1923, 8]. Эти идеи стали важной мировоззренческой опорой для КЭС.

Вместе с тем критика холистической позиции была жесткой. Основным аргумент, выдвинутый еще Х. Йехтом, заключался в том, что у социальной общности «отсутствует способный к переживаниям живой центр» [Jecht 1928, 62]. Позднее Р. Масгрейв, К. Шмидт и П. Самуэльсон развивали этот тезис, характеризуя «испытывающее потребности сообщество» как «мистический орган» или «мистический коллективный разум» [Musgrave 1959, 87; Schmidt 1964, 337; Samuelson 1954, 387].

С позиций современного знания, однако, подобные аргументы не кажутся настолько убедительными, поскольку по мере усложнения социальных связей институты способны генерировать специфические интересы общества. В этом контексте продуктивной видится позиция Х. Ритшля, который, признавая наличие интересов общества как такового, акцентировал вни-

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...
мание на феномене их индивидуализации [Ritschl 1925]. Такая трактовка, предполагающая, что общие потребности генерируются социумом, но испытываются отдельными людьми через чувство общности, получила распространение в экономической теории. Она созвучна концепциям «рассеянного знания» Ф. Хайека и «аутентичного советника» Ж.-Ж. Лаффона, при этом не отвергает существования интересов общества как такового [Хайек 2001, 51–71, 89–101; Лаффон 2007, 22–23]. Приведенные идеи стали важной мировоззренческой опорой для КЭС.

Преодоление дихотомии «индивидуализм vs холизм»: философские и социологические аргументы

XX век многое изменил. Прежние аргументы «за» и «против», относящиеся к английской и германской традиции, как и дискуссия «индивидуализм vs холизм», в определенном смысле утратили актуальность. С учетом этого КЭС целесообразно рассматривать сквозь призму мультидисциплинарного подхода и более тонких рассуждений, характерных для современной философии, разделяющей и дополняющей поведение индивидуумов и общества в целом.

Показательным примером служит исследование канадского философа Ч. Тейлора, который, развивая междисциплинарный подход, выделил «неразложимо социальные блага». В отличие от общественных товаров, они по своей природе не предназначены для индивидуального потребления [Taylor 1989; Тейлор 2001]. Аргументация Тейлора, опирающаяся на философию языка Л. Витгенштейна и семиотику Ф. де Соссюра, особенно важна. Он распространил понятие «фоновое пространство значений» на социум, описывая феномен «общего понимания» – имманентной обществу «фоновой основы практик, институтов и представлений» [Тейлор 2001, 12; Витгенштейн 1994; Витгенштейн 2008; Соссюр 2000; Соссюр 2009].

Такой подход обеспечивает выход за рамки методологического индивидуализма, создавая философскую основу для признания за социумом особых свойств и потребностей. Он определяет культуру как достояние общества в целом, а не индивидов,

что вступает в прямое противоречие с классическим тезисом К. Викселля, согласно которому, «если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю» [Wicksell 1958, 77]. Абсолютизация этого принципа, как и сам тезис Викселля, вызывают сомнения¹.

В целом в отношении дискуссии «индивидуализм или холизм» уместно сделать апостериорный комментарий. С учетом современной теории и связанного с ней междисциплинарного подхода следует поставить два вопроса. Во-первых, каким образом общественные интересы связаны с интересами индивидуумов, составляющих общество, и можно ли всегда предполагать наличие такой связи? Во-вторых, может ли существовать объективно нейтральный критерий для определения «правильности» одной из альтернативных методологий, возникающих из разных экономических контекстов?

Эта дискуссия с особой силой развернулась в теоретической социологии XX века. Зачастую критики холизма упрощенно выводили методологический индивидуализм из того, что общество состоит из людей, а социальные целостности – лишь абстракции [Kincaid 1998, 295]. Однако такой подход оспаривали: как утверждал Р. Бхаскар, общество «всегда существует до» индивидов и является условием их деятельности [Bhaskar 1989, 36].

Постепенно главный вектор дискуссии сместился от радикальных позиций к поиску компромисса. В частности, Б. Верлен и Дж. Агасси обратили внимание на то, что методологический индивидуализм не отрицает существования коллективов, а является лишь исследовательским принципом [Верлен 2002; Agassi 1960; Agassi 1973]. Это открыло путь к синтезу: Э. Гиденс и Р. Бхаскар пришли к выводу о неальтернативности и совместимости индивидуалистского и холистического подходов

¹ Строго говоря, этот тезис Викселля, не может служить достаточным основанием для отрицания социальной полезности, ибо при ненулевых полезностях «для каждого отдельного гражданина» общественная полезность может отличаться от любой их комбинации.

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...
[Giddens 1984; Giddens 2001; Бхаскар, 1991]. В том же ключе Р. Будон называл методологический индивидуализм необходимой, но недостаточной предпосылкой анализа общества, требующего рассмотрения макрофеноменов [Boudon 1988; Будон 1998].

Идею двойственности общественной жизни, в которой социальные структуры и индивидуальное поведение выступают как равнозначные и взаимодополняющие элементы, развивали также М. Крозье и А. Турен [Крозье 1993; Touraine 2005]. Фактически в теоретической социологии сформировался подход, основанный на сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора первоосновы.

Таким образом, приведенные философские рассуждения, аргументация и результаты теоретической социологии свидетельствуют, по-видимому, о наличии у авторов представленных исследований общего ответа на сформулированный выше второй вопрос. Судя по всему, логика указанных исследований опирается на внутреннюю установку об *отсутствии объективного критерия* для выбора «правильной» методологии². Не требуя приверженности ни английской, ни немецкой традиции, современное понимание поведения индивидуумов и государства, их взаимодействий в социуме создает предпосылки для завершения дискуссии «индивидуализм vs холизм». Представляется целесообразным ввести в экономическую теорию новый принцип – *методологический релятивизм*, «уравнивающий в правах» индивидуальные предпочтения и интересы государства.

Релятивистская методология

Теоретическое описание «релятивистской методологии» – это не простая задача, поскольку сама категория «релятивизм» не представляет собой единую философскую концепцию. Речь идет, скорее, о совокупности различных доктрин, объединен-

² См. также статью в журнале «Вопросы философии» о «методологической середине» [Давыдов 2021], в которой автор подошел очень близко к рассмотрению проблемы выбора одного из альтернативных заключений.

ных отказом от *абсолютизма, универсализма и монизма*. Нелучайно ирландский философ М. Баграмян пишет о том, что участники дискуссий на темы релятивизма не всегда имеют «четкие представления о том, что именно они обсуждают» [Baghranian 2004, 1]. Несмотря на расплывчатость понятия релятивизма, можно выделить четыре относительно самостоятельных и не слишком пересекающихся вида релятивизма, оказавших в последние десятилетия наибольшее влияние в академической среде [Рубинштейн 2025].

Культурный релятивизм определил во многом этические и политические взгляды многих исследователей. Его ключевой позицией является положение о том, что не может быть культурно-нейтральных критериев, обеспечивающих определение правильного выбора для конфликтующих утверждений, возникающих в условиях *разных* культурных контекстов. Особенность культурного релятивизма заключается в его разделении на моральный и когнитивный [Westermarck 1912; Baghranian 2004].

Концептуальный релятивизм – это, с одной стороны, более узкая форма релятивизма, с другой – более общая; этот вид релятивизма относится к концептуальным схемам, научным парадигмам или методологиям. Кроме общего положения о том, что не существует универсальных критериев для решения вопроса, какая концептуальная схема более уместна, его принципиальная особенность заключается в том, что человеческий разум выполняет активную роль в формировании «реальности» [Putnam 1987]. Указанное применимо и к контекстам, формирующим альтернативные утверждения.

Социальный конструктивизм является еще одной формой релятивизма, содержание которого базируется на утверждении о том, что различные социальные условия определяют построение различных «миров» и что не существует нейтрального критерия для суждения о том, какой из них представляется более ценным. Конструктивистский подход, в частности, релятивизирует научное знание в той мере, в какой он утверждает, что различные социальные и концептуальные условия могут приво-

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...
доть к построению разных систем знания. Это «контекстуально специфические конструкции, которые несут на себе отпечаток ситуативной обусловленности и структуры интересов, в ходе процесса их создания» [Knorr-Cetina 1984, 226].

Постмодернизм, также несущий в себе релятивистские особенности, в своей крайней форме постулирует то, что истина не является объективным и независимым от разума свойством, которое можно выявить, но создается посредством социальных взаимодействий [Rorty 1982, 5]. Более того, по мнению французского философа М. Фуко, все претензии на знание и истину – это замаскированные властные отношения. К тому же с 80-х годов XX века постмодернизм стал доминирующим теоретическим подходом в теоретической социологии, социальной антропологии и культурологических исследованиях.

Из философских доктрин релятивизма вытекают два основополагающих принципа. Во-первых, не существует объективно нейтральных критериев для выбора между конфликтующими альтернативами. Во-вторых, эти альтернативы – в нашем случае английская (индивидуализм) и германская (холизм) традиции – возникают в разных контекстах, в формировании которых главная роль отведена человеческому разуму. Именно «человекотворность» концепций индивидуализма и холизма обуславливает их равноправие.

Представленный анализ, с одной стороны, направлен на обоснование правомерности и даже целесообразности введения принципа методологического релятивизма, с другой – его использование в экономическом анализе следует рассматривать в ряду новых результатов исследования, сформировавшихся в процессе анализа эволюции КЭС и ее наследия через «увеличительное стекло» современного знания. Необходимо отметить, что, утрачивая статус «единственно правильных», индивидуализм и холизм сохраняют свой смысл и значение, но уже в рамках определенных контекстов, а главное, строгих ограничений использования соответствующих методологий. Методологический индивидуализм применим к анализу частных благ, холизм – к благам с сугубо социальной полезностью

(по Тейлору). Релятивистская методология предназначена для анализа особого класса благ – тех, что обладают двойственной, индивидуальной и социальной полезностью, удовлетворяя интересы и индивидов, и государства.

Для совокупности частных благ, как известно, интерес государства представляет собой рыночный агрегат индивидуальных предпочтений. В качестве контекста выступает неоклассическая методология, ограничения использования которой определяются теорией экономического равновесия [Arrow, Debreu 1954]. Государство в соответствии с ней выполняет лишь функции «ночного сторожа», связанные с устранением «рыночных провалов» – наличия монополии, информационной асимметрии, экстерналий и т.п.

Иное положение характерно для множества опекаемых благ, имеющих социальную полезность. В этом случае речь идет о процессах формирования интересов государстве в качестве самостоятельного рыночного игрока, при этом в роли контекста выступает теория общественного выбора, обуславливающая свои ограничения.

Общественный выбор и новая парадигма государства

В рамках рассматриваемой теоретической конструкции представлен подход к нерыночным решениям, особенностью которого стали демократические процедуры парламентских голосований [Buchanan, Tullock 1962]. Однако при всей демократизации процедур общественного выбора обращает на себя внимание тот факт, что парламентская партия (коалиция), обладающая необходимым большинством голосов, способна акцептировать любые нормативные установки и провести через голосование практически все решения, отвечающие интересам партии (см., например: [Полтерович, Попов 2007; Полтерович, Попов, Тонис 2008; Хиллман 2009]).

Сформулирую фундаментальное противоречие современного политического процесса. С одной стороны, всякая демократическая система предполагает главенство большинства, с другой – подчинение большинству нередко трансформируется в

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической... «уклонение за большинством»³. Соглашаясь с предпочтениями «многих» и уклоняясь за ними, всякий парламентарий подвергает себя риску пройти мимо верного выбора. Еще более значимые риски испытывает все общество, которое может оказаться вне зоны эффективных решений, что позволяет говорить о «провалах государства», связанных с ошибками в выборе его целей и формировании соответствующих интересов. Л. фон Мизес писал: «Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, игнорируют эти идеи... По их мнению, большинство всегда право просто потому, что способно сокрушить любую оппозицию; власть большинства является диктаторской властью самой многочисленной партии... Такой псевдолиберализм является противоположностью либеральной доктрины» [Мизес 2005, 144].

Можно сформулировать и общий тезис: использование теории общественного выбора в качестве основы формирования интересов государства также имеет свои ограничения, которые определяются наличием соответствующих защитных механизмов, образующих «иммунную систему» социума, в том числе в виде самоорганизуемых институтов гражданского общества, способных препятствовать неверному выбору целей и бюрократическому произволу их реализации. Поиск институциональных механизмов, ограничивающих власть большинства, является одной из ключевых задач экономической и политической теории.

В начале нынешнего столетия это направление исследований стало приобретать все большую популярность. В их числе – работы французского ученого Ж.-Ж. Лаффона, который обращал внимание на тот факт, что, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на интерес государства, как на решающий при

³ «Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стремительностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (цит. по: [Ковельман 1996, 65]. Эти современного звучания слова, облеченные в изящную форму, принадлежат Филону Александрийскому, философу I в. н. э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой.

выборе пути развития, “интервенция” теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» [Лаффон 2007, 23].

Исходя из этого, он ввел в свой анализ так называемого аутентичного советника правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды [Лаффон 2007, 22]. Парламент может быть рассмотрен как совокупность «аутентичных советников» политических партий, представляющих их интересы. Такой подход дает основание для обобщения известного результата К. Эрроу о невозможности определения интересов государства в виде согласованных предпочтений парламентских партий.

Но какое содержание вкладывается в саму категорию государства? Занимаясь в течение нескольких десятилетий изучением проблем смешанной экономики [Рубинштейн 2008; Гринберг, Рубинштейн 2013; Рубинштейн 2024а], пришел к выводу об отсутствии адекватного понимания понятия «государство» и его соответствующего определения, которое бы отражало не только «суверенную форму публичной власти, обладающую аппаратом управления и принуждения, которому подчиняется все население страны», но и его непосредственные связи с экономикой и институтами гражданского общества. Отмечу также, что ни современная наука, ни международное право не предоставляют общепризнанного определения понятия «государство». С учетом этого и на основе релятивистской методологии считаю возможным предложить *принципиально новое* определение. Государство – это социальная целостность, созданная национальной или многонациональной общностью на определенной территории и функционирующая в форме метасистемы «*политическая власть – экономика – гражданское общество*» [Рубинштейн 2024а, 388; Рубинштейн 2024б, 197].

Из приведенной дефиниции следует, что интерес государства представляет собой комбинацию интересов власти, предпочтений индивидуумов, формируемых механизмом рынка, и интересов гражданского общества. Иными словами, рыночный агрегат индивидуальных предпочтений, соответствующий

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической... неоклассической теории, составляет лишь только часть интереса государства, что совпадает фактически с базовым утверждением КЭС о несводимости его интересов к индивидуальным предпочтениям.

Следует отметить, что обсуждая вопросы теории государства, придерживаюсь концепции социального порядка Ф. фон Хайека [Науек 1973; Хайек 1992; Хайек 2006]. В этом контексте процитирую и Р. Вагнера, который, опираясь на идеи Хайека, определяет государство как одно из проявлений «порядка, согласовывающего действия бесчисленного количества участников, преследующих различные цели» [Вагнер 2016, 90]. Этот порядок складывается спонтанно, «в результате того, что каждый его элемент осуществляет уравнивание действующих на него сил и согласовывает друг с другом все свои действия» [Хайек 2006, 69], обеспечивая согласование поведения отдельных индивидуумов и их общностей, преследующих различные цели.

Даже не слишком углубленное знакомство с концепцией культурной эволюции Хайека приводит к выводу, что ее важнейшее положение связано с принципиальным недостижением финальной точки эволюции (см. подробнее: [Капелюшников 2024а; Капелюшников 2024б]). Как пишет сам Хайек, «характер этой эволюции не прямолинеен, он складывался в процессе постоянных проб и ошибок, непрерывного “экспериментирования” в сферах, где происходило “соперничество” между порядками разного типа» [Хайек 1992, 39].

Поскольку в процессе эволюции различные элементы метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество» могут оказывать большее или меньшее влияние, то во всех этих случаях степень ее сбалансированности, или, по Хайеку, мера «уравнивания действующих сил», скорее всего, будет неодинаковой. Подтверждает это и экономическая теория, свидетельствующая о наличии рыночных провалов, генерирующих увеличение вмешательства власти в экономику. Следует учитывать и провалы, связанные с реализацией нормативных установок власти [Kueger 1990; Стиглиц 1997; Радыгин, Энтов 2012];

и провалы гражданского общества, обусловленные «недостаточностью самоорганизаций» [Salamon 1987], которые также вызывают соответствующие изменения в сбалансированности элементов рассматриваемой метасистемы.

С учетом этого можно выделить особое направление развития экономической теории государства. Речь идет об исследовании структуры социальной организации государства⁴. Изучая эту структуру, нетрудно предположить существование определенных доминант, т.е. элементов триады «политическая власть – экономика – гражданское общество», преимущественное влияние которых является главной причиной общей несбалансированности. Выявление указанных доминант – непростая задача, поскольку «виновниками» подобных структурных сдвигов могут оказаться разные составляющие метасистемы. Дело в изменениях их влияния в процессе эволюции государства. Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу о прямой зависимости государственного управления от структуры социальной организации и проблем ее несбалансированности, связанных с наличием конкретных доминант, обуславливающих модели управления. На основе этой гипотезы выделю три базовых модели государственного управления, каждая из которых обусловлена соответствующей доминантой в структуре социальной организации:

– *рыночная модель управления*, формируемая в результате доминирования конкурентного рынка при ослаблении влияния политической власти, действия которой ограничены функциями «ночного сторожа», связанными с устранением провалов рынка;

– *модель публичного управления*, возникающая в результате усиления влияния самоуправляемых субъектов гражданского общества, ограничивающих действия политической власти, обуславливающая коллективный характер принятия решения

⁴ «Структурой социальной организации» включает весовые коэффициенты трех элементов метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество», отражающие степень влияния каждого из них. В определенном смысле указанная структура является аналогом «социального порядка».

по формированию и реализации целей общественного выбора, с участием представителей гражданского общества;

– *автократическая модель управления*, формируемая в результате усиления влияния политической власти при ограничении рыночных свобод, а также гражданских прав и деятельности самоуправляемых субъектов гражданского общества, направленная на формирование и реализацию целей общественного выбора в соответствии лишь с основными установками власти.

Каждая из приведенных моделей управления, соответствующая предельным случаям структуры социальной организации, не может рассматриваться в качестве социально согласованных действий, но представляет собой спонтанный результат эволюции государства, характер которой (по Хайеку) не является прямолинейным. Его волатильность отражает эволюционные сдвиги в структуре социальной организации государства, выраженные в смене ее доминант или их устранении, обуславливающей соответствующие изменения в государственном управлении. Эволюционный характер таких изменений крайне редко проявляется в форме скачкообразного формирования одной из доминант, допуская наличие признаков той или иной модели государственного управления на разных фазах эволюции.

Определенный интерес в этой связи представляет сопоставление результатов экспертного опроса [Рубинштейн 2024б] с моделями государственного управления. С некоторыми оговорками можно сделать вывод о подтверждении связи между типом несбалансированности социальной организации государства и моделями государственного управления. Расчеты показали, в частности, что наибольший вклад в несбалансированность социальной организации настоящего времени вносит нарушение демократических принципов выборности органов власти при ограничении гражданских прав и снижении влияния граждан на то, что происходит в стране [Рубинштейн 2024б]. Иными словами, установленный высокий уровень несбалансированности социальной организации в данном случае связан с превалированием авторитарной модели государственно-

го управления. И отсутствие структурного баланса внутри метасистемы «власть – экономика – гражданское общество» становится препятствием для гармонизации интересов индивида и социума.

Заключение

Критический анализ КЭС и ее продолжений с позиций сегодняшнего развития теоретической экономики позволил переосмыслить некоторые результаты исследований, полученные за прошедшую четверть столетия. В качестве итогов такого анализа сформулирую четыре основных вывода.

Во-первых, можно с определенной уверенностью говорить о наличии общей логики теоретических построений, в основе которой находится релятивистская методология, уравнивающая в правах индивидуальные предпочтения и интересы государства. Данный факт позволяет рассматривать КЭС и ее наследие в виде общего комплекса идей, расширяющих границы экономического анализа.

Во-вторых, за прошедшие годы многое изменилось, и экономическая наука становится все более мультидисциплинарной, развивается с привлечением результатов и методов исследований философии, социологии, политологии и социальной психологии. Это существенно расширило арсенал теоретической экономики.

В-третьих, и, наверное, это главное, общий взгляд на КЭС и ее наследие позволил получить новые научные результаты, которые в исходной версии указанных теорий отсутствовали. Среди них – прежде всего релятивистская методология.

В-четвертых, следует отметить создание оригинальной исследовательской платформы, в основе которой находятся релятивистская методология и новая парадигма государства. Ее использование, как представляется, выводит на принципиально иной уровень вопросы о функциях государства, создавая предпосылки для появления новых идей и подходов в теоретических и прикладных исследованиях современного общества.

Таким образом, предложенная исследовательская платформа позволяет вернуться к исходной проблеме соотношения интересов индивида и общества, но уже с новым инструментарием. Фундаментальное противоречие между ними перестает восприниматься как неразрешимая дихотомия или антагонизм, требующий выбора в пользу одной из сторон – индивидуализма или холизма. Оно трансформируется в конструктивную задачу поиска и поддержания сбалансированной структуры, в рамках которой эти разнородные интересы выступают не противоположными силами, а взаимосвязанными и неотъемлемыми элементами единой социальной целостности. Ключевым становится не вопрос о том, чьи интересы должны доминировать, а о том, как выстроить их взаимодействие для обеспечения устойчивости и развития всей метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Будон 1998 – Будон Р. Место беспорядка: критика теорий социального изменения / пер. с фр. М.М. Кириченко; науч. ред. пер. М.Ф. Черныш. – М.: Аспект пресс, 1998.

Бхаскар 1991 – Бхаскар Р. Общества // Социо-логос. Общество и сферы смысла. Вып. 1 / сост. и общ. ред. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991.

Вагнер 2016 – Вагнер Р. Фискальная социология и теория государственных финансов: исследовательское эссе // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 2. С. 88–110.

Верлен 2002 – Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4. С. 3–24.

Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. Ч. 1 / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994.

Витгенштейн 2008 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. и англ. И.С. Добронравова, Д.Г. Лахути. – М.: Канон+, 2008.

Гринберг, Рубинштейн 1997 – Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Социальная экономика: введение в новую аксиоматику // Российский экономический журнал. 1997. № 1. С. 77–89.

Гринберг, Рубинштейн 1998 – *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Проблемы общей теории социальной экономики // Экономическая наука современной России. 1998. № 2. С. 34–56.

Гринберг, Рубинштейн 2013 – *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум & государство: экономическая дилемма. – М.: Весь мир, 2013.

Давыдов 2021 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина-для» в ракурсе не классики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 191–202.

Капелюшников 2024а – *Капелюшников Р.И.* Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть первая) // Вопросы экономики. 2024. № 6. С. 5–25.

Капелюшников 2024б – *Капелюшников Р.И.* Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть вторая) // Вопросы экономики. 2024. № 7. С. 25–52.

Ковельман 1996 – *Ковельман А.Б.* Толпа и мудрецы Талмуда. – М.; Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1996.

Крозье 1993 – *Крозье М.* Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 35–43.

Лаффон 2007 – *Лаффон Ж.-Ж.* Стимулы и политэкономия / пер. с англ. Н.В. Шиловой; ред. Г.Е. Шерихова. – М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Мизес 2005 – *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Челябинск: Социум, 2005.

Некипелов 2023 – *Некипелов А.Д.* Поиск социального оптимума: погоня за призраком? // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93. № 5. С. 415–427.

Полтерович, Попов 2007 – *Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 13–27.

Полтерович и др. 2008 – *Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.* Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. Т. 12. № 2. С. 176–200.

Радыгин, Энтов 2012 – *Радыгин А.Д., Энтов Р.М.* «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 4–30.

Рубинштейн 2008 – *Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений: структура и эволюция социального интереса. – СПб.: Алетейя, 2008.

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

Рубинштейн 2024а – *Рубинштейн А.Я.* Общая теория опекаемых благ: учебник. – СПб.: Алетейя, 2024.

Рубинштейн 2024б – *Рубинштейн А.Я.* Социальная организация государства: проблема сбалансированности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4 (65). С. 196–217.

Рубинштейн 2025 – *Рубинштейн А.Я.* О коррекции некоторых положений теоретической экономики // Вопросы экономики. 2025. № 5. С. 66–82.

Соссюр 2000 – *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике / пер. с фр. Б.П. Нарумова; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М.: Прогресс, 2000.

Соссюр 2009 – *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина; под ред. Р.И. Шор. – М.: URSS, 2009.

Стиглиц 1997 – *Стиглиц Дж.Ю.* Экономика государственного сектора. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997.

Тейлор 2001 – *Тейлор Ч.* Неразложимо социальные блага // Неприкосновенный запас. 2001. № 4 (18). С. 7–18.

Хайек 1992 – *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / пер. с англ. Е. Осиновой, под ред. Е. Гордеевой. – М.: Новости; Catallaxy, 1992.

Хайек 2001 – *Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2001.

Хайек 2006 – *Хайек Ф.А.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. – М.: ИРИСЭН, 2006.

Хиллман 2009 – *Хиллман А.* Государство и экономическая политика: возможности и ограничения управления: учеб. пособие / пер. с англ. под науч. ред. В.В. Бусыгина, М.И. Левина. – М.: ГУ ВШЭ, 2009.

Agassi 1960 – *Agassi J.* Methodological Individualism // The British Journal of Sociology. 1960. Vol. 11. No. 3. P. 244–270.

Agassi 1973 – *Agassi J.* Methodological Individualism // Modes of Individualism and Collectivism / ed. by J. O'Neill. – London: Heinemann, 1973.

Arrow 1951 – *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values. – New York: Wiley, 1951.

Arrow, Debreu 1954 – *Arrow K.J., Debreu G.* Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // Econometrica. 1954. Vol. 22. No. 3. P. 265–290.

Baghratian 2004 – *Baghratian M.* The Many Faces of Relativism. – London: Routledge, 2004.

Bergson 1938 – *Bergson A.* A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // The Quarterly Journal of Economics. 1938. Vol. 52. No. 2. P. 310–334.

Bhaskar 1989 – *Bhaskar R.* The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. – 2nd ed. – London: Harvester Wheatsheaf, 1989.

Boudon 1988 – *Boudon R.* Will Sociology Ever be a “Normal Science?” // Theory and Society. 1988. Vol. 17. No. 5. P. 747–777.

Buchanan, Tullock 1962 – *Buchanan J., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Giddens 1984 – *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge, UK: Polity Press, 1984.

Giddens 2001 – *Giddens A.* Sociology. – Cambridge, UK: Polity Press, 2001.

Grinberg, Rubinstein 1999 – *Grinberg R., Rubinstein A.* Ökonomische Soziodynamik und rationales Verhalten des Staates. – Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1999.

Grinberg, Rubinstein 2005 – *Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. – Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2005.

Hayek 1973 – *Hayek F.A.* Rules and Order. – Chicago: University of Chicago Press, 1973.

Hermann 1870 – *Hermann F.B.W.* Staatswirtschaftliche Untersuchungen. – 2. Aufl. – München: Fleischmann, 1870.

Jecht 1928 – *Jecht H.* Wesen und Formen der Finanzwirtschaft. – Jena: Gustav Fischer, 1928.

Kincaid 1998 – *Kincaid H.* Methodological Individualism/Atomism // The Handbook of Economic Methodology / ed. by J.B. Davis, D.W. Hands, U. Mäki. – London: Edward Elgar, 1998. P. 294–300.

Knorr-Cetina 1984 – *Knorr-Cetina K.* Die Fabrikation von Erkenntnis: Zur Anthropologie der Naturwissenschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.

Krueger 1990 – *Krueger A.* Government Failures in Development // Journal of Economic Perspectives. 1990. Vol. 4. No. 3. P. 9–23.

Lindahl 1919 – *Lindahl E.* Die Gerechtigkeit der Besteuerung: Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie. – Lund: Gleerup, 1919.

Menger 1923 – *Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. – 2. Aufl. – Wien; Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky; G. Freytag, 1923.

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

Musgrave 1959 – *Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. – New York: McGraw-Hill, 1959.

Putnam 1987 – *Putnam H.* Truth and Convention: On Davidson's Refutation of Conceptual Relativism // *Dialectica*. 1987. Vol. 41. No. 1–2. P. 69–77.

Ritschl 1925 – *Ritschl H.* Theorie der Staatswirtschaft und Besteuerung. – Bonn: K. Schröder, 1925.

Rorty 1982 – *Rorty R.* Consequences of Pragmatism: Essays, 1972–1980. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1982.

Salamon 1987 – *Salamon L.* Partners in Public Service: The Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations // *The Nonprofit Sector: A Research Handbook* / ed. by W.W. Powell. – New Haven, CT.: Yale University Press, 1987. P. 99–117.

Samuelson 1954 – *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. No. 4. P. 387–389.

Schäffle 1873 – *Schäffle A.E.F.* Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. Bd. 1. – 3. Aufl. – Tübingen: H. Laupp, 1873.

Schmidt 1964 – *Schmidt K.* Zur Geschichte der Lehre von den Kollektivbedürfnissen // *Systeme und Methoden in den Wirtschafts- und Sozialwissenschaften. Erwin von Beckerath zum 75. Geburtstag* / hrsg. von N. Kloten, W. Krelle, H. Müller, F. Neumark. – Tübingen: J.C.B. Mohr, 1964. S. 335–362.

Taylor 1989 – *Taylor C.* Cross-Purposes: The Liberal-Communitarian Debate // *Liberalism and Moral Life* / ed. by N. Rosenblum. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. P. 159–182.

Touraine 2005 – *Touraine A.* Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui. – Paris: Fayard, 2005.

Westermarck 1912 – *Westermarck E.* The Origin and Development of Moral Ideas. Vol. 1. – London: Macmillan, 1912.

Wicksell 1896 – *Wicksell K.* Finanztheoretische Untersuchungen nebst Darstellung und Kritik des Steuerwesens Schwedens. – Jena: G. Fischer, 1896.

Wicksell 1958 – *Wicksell K.* A New Principle of Just Taxation // *Classics in the Theory of Public Finance* / ed. by R.A. Musgrave, A.T. Peacock. – London: Macmillan, 1958. P. 72–118.

REFERENCES

Agassi J. (1960) Methodological Individualism. *The British Journal of Sociology*. Vol. 11, no. 3, pp. 244–270.

Agassi J. (1973) Methodological Individualism. In: O'Neill J. (Ed.) *Modes of Individualism and Collectivism*. London: Heinemann.

Arrow K.J. (1951) *Social Choice and Individual Values*. New York: Wiley.

Arrow K.J. & Debreu G. (1954) Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy. *Econometrica*. Vol. 22, no. 3, pp. 265–290.

Baghramian M. (2004) *The Many Faces of Relativism*. London: Routledge.

Bergson A. (1938) A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 52, no. 2, pp. 310–334.

Bhaskar R. (1989) *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences* (2nd ed.). London: Harvester Wheatsheaf.

Bhaskar R. (1991) Societies. In: Vinokurov V.V. & Filippov A.F. (Comps. & Eds.) *Socio-Logos. Society and Spheres of Meaning* (Issue 1). Moscow: Progress (Russian translation).

Boudon R. (1988) Will Sociology Ever be a “Normal Science?”. *Theory and Society*. Vol. 17, no. 5, pp. 747–777.

Boudon R. (1998) *The Place of Disorder: A Critique of Theories of Social Change* (M.M. Kirichenko, Trans.; M.F. Chernysh, Ed.). Moscow: Aspekt press (Russian translation).

Buchanan J. & Tullock G. (1962) *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Crozier M. (1993) The Modern State – A Modest State. Another Strategy for Change. *Svobodnaya mysl'*. No. 11, pp. 35–43 (in Russian).

Davydov A.P. (2021) The Methodological “Middle-for” from the Perspective of V. Lektorsky’s Non-Classics, A. Akhiezer’s Mediation, and the Complementarity Principle of R. Grinberg and A. Rubinstein. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 191–202 (in Russian).

Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, UK: Polity Press.

Giddens A. (2001) *Sociology*. Cambridge, UK: Polity Press.

Grinberg R. & Rubinstein A. (1999) *Ökonomische Soziodynamik und rationales Verhalten des Staates*. Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien (in German).

Grinberg R.S. & Rubinstein A.Ya. (1997) Social Economics: An Introduction to a New Axiomatics. *Russian Economic Journal*. No. 1, pp. 77–89 (in Russian).

Grinberg R.S. & Rubinstein A.Ya. (1998) Problems of the General Theory of Social Economy. *Economics of Contemporary Russia*. No. 2, pp. 34–56 (in Russian).

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

Grinberg R. & Rubinstein A. (2005) *Economic Sociodynamics*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.

Grinberg R.S. & Rubinstein A.Ya. (2013) *The Individual & the State: An Economic Dilemma*. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Hayek F.A. (1973) *Rules and Order*. Chicago: University of Chicago Press.

Hayek F.A. (1992) *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* (E. Osinova, Trans.; E. Gordeeva, Ed.). Moscow: Novosti; Catallaxy (Russian translation).

Hayek F.A. (2001) *Individualism and Economic Order*. Moscow: Izograf (Russian translation).

Hayek F.A. (2006) *Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy* (B. Pinsker & A. Kustarev, Trans.). Moscow: IRISEN (Russian translation).

Hermann F.B.W. (1870) *Staatwirtschaftliche Untersuchungen* (2nd ed.). Munich: Fleischmann (in German).

Hillman A.L. (2009) *Public Finance and Public Policy: Responsibilities and Limitations of Government* (V.V. Busygin & M.I. Levin, Eds.). Moscow: State University Higher School of Economics (Russian translation).

Jecht H. (1928) *Wesen und Formen der Finanzwirtschaft*. Jena: Gustav Fischer (in German).

Kapelyushnikov R.I. (2024a) F.A. Hayek's Concept of Cultural Evolution and Evolutionary Psychology (Part One). *Voprosy ekonomiki*. No. 6, pp. 5–25 (in Russian).

Kapelyushnikov R.I. (2024b) F.A. Hayek's Concept of Cultural Evolution and Evolutionary Psychology (Part Two). *Voprosy ekonomiki*. No. 7, pp. 25–52 (in Russian).

Kincaid H. (1998) Methodological Individualism/Atomism. In: Davis J.B., Hands D.W., & Mäki U. (Eds.) *The Handbook of Economic Methodology* (pp. 294–300). London: Edward Elgar.

Knorr-Cetina K. (1984) *Die Fabrikation von Erkenntnis: Zur Anthropologie der Naturwissenschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Kovelman A.B. (1996) *The Crowd and the Sages of the Talmud*. Moscow & Jerusalem: Jewish University in Moscow (in Russian).

Krueger A. (1990) Government Failures in Development. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 4, no. 3, pp. 9–23.

Laffont J.-J. (2007) *Incentives and Political Economy* (N.V. Shilova, Trans.; G.E. Sherikhova, Ed.). Moscow: State University Higher School of Economics (Russian translation).

Lindahl E. (1919) *Die Gerechtigkeit der Besteuerung: Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie*. Lund: Gleerup (in German).

Menger C. (1923) *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre* (2nd ed.). Wien & Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky; G. Freytag (in German).

Mises L. von (2005) *Human Action: A Treatise on Economics* (2nd ed.). Chelyabinsk: Sotsium (Russian translation).

Musgrave R.A. (1959) *The Theory of Public Finance*. New York: McGraw-Hill.

Nekipelov A.D. (2023) The Search for a Social Optimum: A Chase for a Ghost? *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 93, no. 5, pp. 415–427 (in Russian).

Polterovich V.M. & Popov V.V. (2007) Democratization and Economic Growth. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2, pp. 13–27 (in Russian).

Polterovich V.M., Popov V.V., & Tonis A.S. (2008) Instability of Democracy in Resource-Rich Countries. *HSE Economic Journal*. Vol. 12, no. 2, pp. 176–200 (in Russian).

Putnam H. (1987) Truth and Convention: On Davidson's Refutation of Conceptual Relativism. *Dialectica*. Vol. 41, no. 1–2, pp. 69–77.

Radygin A.D. & Entov R.M. (2012) "Government Failures": Theory and Policy. *Voprosy ekonomiki*. No. 12, pp. 4–30 (in Russian).

Ritschl H. (1925) *Theorie der Staatswirtschaft und Besteuerung*. Bonn: K. Schröder (in German).

Rorty R. (1982) *Consequences of Pragmatism: Essays, 1972–1980*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Rubinstein A.Ya. (2008) *The Economics of Public Preferences: The Structure and Evolution of Social Interest*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Rubinstein A.Ya. (2024a) *General Theory of Merit Goods: A Textbook*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Rubinstein A.Ya. (2024b) The Social Organization of the State: The Problem of Balance. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. No. 4, pp. 196–217 (in Russian).

Rubinstein A.Ya. (2025) On the Correction of Some Provisions of Theoretical Economics. *Voprosy ekonomiki*. No. 5, pp. 66–82 (in Russian).

Salamon L. (1987) Partners in Public Service: The Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations. In: Powell W.W. (Ed.) *The Nonprofit Sector: A Research Handbook* (pp. 99–117). New Haven, CT: Yale University Press.

Samuelson P.A. (1954) The Pure Theory of Public Expenditure. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 36, no. 4, pp. 387–389.

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

Saussure F. de (2000) *Writings in General Linguistics* (B.P. Narumov, Trans.; N.A. Slyusareva, Ed.). Moscow: Progress (Russian translation).

Saussure F. de (2009) *Course in General Linguistics* (A.M. Sukhotin, Trans.; R.I. Shor, Ed.). Moscow: URSS (Russian translation).

Schäffle A.E.F. (1873) *Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft* (Vol. 1; 3rd ed.). Tübingen: H. Laupp (in German).

Schmidt K. (1964) Zur Geschichte der Lehre von den Kollektivbedürfnissen. In: Kloten N., Krelle W., Müller H., & Neumark F. (Eds.) *Systeme und Methoden in den Wirtschafts- und Sozialwissenschaften. Erwin von Beckerath zum 75. Geburtstag* (pp. 335–362). Tübingen: J.C.B. Mohr (in German).

Stiglitz J.E. (1997) *Economics of the Public Sector*. Moscow: Moscow University Press; INFRA-M (Russian translation).

Taylor C. (1989) Cross-Purposes: The Liberal-Communitarian Debate. In: Rosenblum N. (Ed.) *Liberalism and Moral Life* (pp. 159–182). Cambridge, MA: Harvard University Press.

Taylor C. (2001) Irreducibly Social Goods. *Neprikosnovennyi zapas*. No. 4 (18), pp. 7–18 (in Russian).

Touraine A. (2005) *Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui*. Paris: Fayard (in French).

Wagner R. (2016) Fiscal Sociology and the Theory of Public Finance: A Research Essay. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*. Vol. 17, no. 2, pp. 88–110 (Russian translation).

Werlen B. (2002) Popper's Objectivism and the Method of Critical Rationalism. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. Vol. 2, no. 4, pp. 3–24 (Russian translation).

Westermarck E. (1912) *The Origin and Development of Moral Ideas* (Vol. 1). London: Macmillan.

Wicksell K. (1896) *Finanztheoretische Untersuchungen nebst Darstellung und Kritik des Steuerwesens Schwedens*. Jena: G. Fischer (in German).

Wicksell K. (1958) A New Principle of Just Taxation. In: Musgrave R.A. & Peacock A.T. (Eds.) *Classics in the Theory of Public Finance* (pp. 72–118). London: Macmillan.

Wittgenstein L. (1994) *Philosophical Works* (Part 1; M.S. Kozlova & Yu.A. Aseev, Trans.). Moscow: Gnozis (Russian translation).

Wittgenstein L. (2008) *Tractatus Logico-Philosophicus* (I.S. Dobronravov & D.G. Lakhuti, Trans.). Moscow: Kanon+ (Russian translation).